

Инь Люмин придумал причину, чтобы отправить Чи Си по своим делам, и отправился искать свободный класс, где мог бы позвать Е Цинцин.

После того как в прошлый раз он выпустил Е Цинцин, он не стал возвращать её обратно в книгу иллюстраций, позволив ей, как и раньше, проводить время с другими учениками.

Он уже заметил, что с её восприятием мира что-то не так: она, казалось, совершенно не осознавала, что является монстром из «Игры Кошмара», и продолжала считать себя самой обычной ученицей. Однако, когда Инь Люмин обнаружил ее и освободил из плюща с помощью книги иллюстраций, она не проявила ни малейшего удивления, будто в этом не было ничего странного.

Инь Люмин не мог понять, было ли это особенностью монстра, созданного сном, или же результатом влияния самой книги иллюстраций.

Если бы сейчас рядом был Шэнь Ло, он мог бы спросить его об этом.

При этой мысли, Инь Люмин вдруг осознал одну вещь.

Шэнь Ло не появлялся из книги иллюстраций уже целый день.

Хотя он знал его не так долго, он уже заметил, что Шэнь Ло всегда находил способ напомнить о себе, как только рядом не оставалось других игроков.

Инь Люмин не был особо привычен к такому... «навязчивому» стилю общения. Однако он понимал, что Шэнь Ло, вероятно, провёл в книге иллюстраций в одиночестве очень долгое время до их встречи, и потому, должно быть, испытывал сильную потребность в общении. Именно поэтому Инь Люмин решил позволить ему вести себя естественно.

Он осторожно провёл пальцем по обложке книги иллюстраций и перевернул первую страницу.

Запись о «Зомби-ученике» начиналась со второй страницы, тогда как на первой располагался лишь один квадрат с изображением мужчины неестественной, почти пугающей красоты.

Хотя это был всего лишь рисунок, а не фотография, в нём чётко угадывались надменность и величие этого человека: высокомерно приподнятый подбородок, холодный презрительный взгляд.

Если сравнивать его с тем шумным и бесполезным Шэнь Ло, которого знал Инь Люмин, разница была не просто разительной — казалось, это два совершенно разных человека.

Инь Люмин на мгновение задержал взгляд на рисунке Шэнь Ло, затем перевернул страницу и

остановился на иллюстрации «Зомби-ученика».

В этот момент ему показалось, что он услышал чьё-то недовольное «Хмф!».

Сначала он вернул Е Цинцин в книгу иллюстраций, а затем снова выпустил её.

Е Цинцин, слегка пошатываясь, оперлась о парту и сказала:

— Учитель, подождите немного. Это слишком резко, у меня голова кружится.

Инь Люмин сначала уточнил у неё дату:

— У вас экзамен послезавтра?

— Верно.

— Этот экзамен сложный?

Е Цинцин на секунду задумалась, затем ответила:

— Должен быть несложным, проблемы могут возникнуть разве что у некоторых.

— У некоторых... у кого именно?

Е Цинцин слегка нахмурилась, словно обдумывая ответ:

— Нууу, например, у Янь Хана и его компании — они вообще не ходят на занятия, постоянно прогуливают самостоятельные, так что у них точно будут проблемы. А ещё Ци Сяобэй... у него действительно плохо с учёбой...

Инь Люмин сразу ухватился за эту деталь:

— У Ци Сяобэя плохая успеваемость?

— Он, на самом деле, учится очень старательно, но... — Е Цинцин сложила руки на груди, и её лицо выразило лёгкое смущение. — Может, это прозвучит жестоко, но некоторым людям просто не дано хорошо учиться. К тому же, Янь Хан и его друзья постоянно издеваются над Ци Сяобэем.

— Почему Янь Хан и другие издеваются над ним?

— А этим парням вообще нужна причина, чтобы кого-то травить? — Е Цинцин сердито надула губы. — Они ко всем придираются! Просто Ци Сяобэй слишком тихий и пугливый, вот они и «берут его под особый контроль».

Инь Люмин вспомнил пустые, безжизненные глаза Ци Сяобэя в школьном медпункте и спросил:

— Разве учителя или другие ученики не пытались ему помочь?

— Мы не смеем! — Е Цинцин тяжело вздохнула. — В прошлом семестре один парень не выдержал и подрался с Янь Ханом, но в итоге его избили у школьных ворот так, что сломали ногу... В конце концов, он перевёлся в другую школу. А поскольку у Янь Хана дедушка — завуч, ни один учитель не может его контролировать. Разве что директор Цзян, который сам по себе человек строгий, иногда делает им замечания, но у него и своих дел хватает...

Она ненадолго замолчала, затем добавила:

— К тому же, Ци Сяобэй всегда выглядит каким-то грязным, почти не разговаривает, и у него совсем нет друзей.

Инь Люмин задумчиво кивнул.

Теперь ему стало ясно, почему в школе Аньян среди учителей фигурировал только директор Цзян. Видимо, в подсознании Ци Сяобэя лишь он один, с его резким, но справедливым характером, мог дать ему хоть какую-то защиту.

— Ты помнишь, что было вчера?

— Вчера? — Е Цинцин выглядела искренне озадаченной. — Разве мы не виделись вчера?

Инь Люмин почесал подбородок, похоже, её память не была сброшена.

— А позавчера?

— Позавчера... — Е Цинцин нахмурилась, затем вдруг вздрогнула. — Мне приснился ужасный кошмар! Какой-то злой, жестокий тип повалил меня на пол, избил, а потом... разорвал на куски! Это было так страшно!

Инь Люмин: «...»

Он слегка кашлянул, выпрямился и спросил:

— Действие во сне происходило в общежитии?

— Да!

— И, кажется, ты превратилась в растение?

— Да!

— Тогда угадаю ещё кое-что... твои воспоминания о вчерашних занятиях выглядят размытыми?

— Учитель, вы просто читаете мои мысли!

На лице Инь Люмина появилась лёгкая, едва заметная улыбка.

Он не только об этом знал, но именно он безжалостно разорвал плющ в том сне.

Внезапно пришло осознание — плющ воплощал «душу» Е Цинцин, тогда как зомби был лишь физической оболочкой, которую она занимала.

Каждую ночь бесчисленные плющевые побеги пожирают зомби, что может быть простым процессом поиска учениками своих собственных тел.

Если в полдень издевательства Янь Хана настолько глубоко ранили Ци Сяобэя, что жизни учеников из его сна были отобраны и превращены в зомби, то ночной бунт плющей — не что иное как души пострадавших учеников, возвращающиеся к исходному состоянию в попытке воссоединиться со своими телами.

Инь Люмин всё сильнее ощущал, насколько уникальна Игра Кошмара.

Обычные сны, конечно, не обладали бы такой детализированной проработкой мира или персонажами вроде Е Цинцин и Чу Дан, совершенно неотличимыми от реальных людей.

Эта цикличная жизнь и смерть учеников — попытка добавить «интересности» игре или намёк для игроков?

Если те густо растущие в школьном саду цветы действительно были проигравшими игроками в данном уровне, то как долго Ци Сяобэй уже пребывает в этом сне? Неужели в реальном мире Ци Сяобэй находится в состоянии непрерывного сна?

Или возможно... Существует ли Ци Сяобэй вообще?

— Учитель?

Инь Люмин поднял голову из глубины размышлений, встретившись с пылающим взглядом Е Цинцин.

Память Е Цинцин в состоянии плюща была нечёткой — иначе она не могла бы общаться с ним так естественно.

— Что такое?

Е Цинцин смотрела на него сияющими глазами:

— Учитель, вы закончили свои вопросы? Можно мне задать вам несколько?

Инь Люмин слегка опешил:

— Спрашивай.

Е Цинцин каким-то образом извлекла маленький блокнот, приготовившись записывать:

— Как вас зовут? Сколько вам лет? Есть ли девушка или парень? Какой тип предпочитаете?

Инь Люмин: «.....»

Он ответил:

— Ты что, перепись проводишь? Инь Люмин, 24, никого нет — и кстати, отношения между учителем и учеником строго запрещены.

— Оу.

Е Цинцин слегка разочаровалась, но быстро воспрянула духом:

— Тогда, учитель, какие у вас отношения с тем симпатичным преподавателем? Вы живёте вместе?

— Мы просто знакомые. В одной комнате не живём.

Е Цинцин надула губы:

— Учитель, вы совсем не даёте сахарку.

Инь Люмин усмехнулся:

— Разве в выпускном классе не положено усердно учиться?

— Эх, именно потому что выпускной, я бросила все драмы и новеллы! Теперь только на сахарке и держусь.

Е Цинцин без тени смущения разглядывала Инь Люмина:

— Учитель Инь, вы такой красивый, неужели правда никого нет?

— Нет, — Инь Люмин сложил руки с улыбкой. — Характер скверный, боюсь напугать людей.

Е Цинцин пробормотала:

— Да вроде характер у вас нормальный.

Инь Люмин лишь поднял бровь, улыбаясь в ответ.

Вдалеке раздался тихий смешок.

Е Цинцин вздрогнула:

— Кто это?

Шэнь Ло медленно материализовался за спиной, его морские голубые глаза были полны сарказма:

— Нормальный характер? Хах.

Инь Люмин с удивлением обернулся:

— Ты почему вышел?

Шэнь Ло усмехнулся:

— А что, нельзя?

Инь Люмин потер подбородок:

— Нет, просто думал, господин Шэнь умеет терпеть одиночество.

Шэнь Ло: «.....»

Он точно вышел не потому что заскучал в одиночестве внутри иллюстрации!

Полупрозрачное голубоватое свечение Шэнь Ло задрожало, словно от брошенного в воду камня.

Инь Люмин, видя это, благоразумно прекратил поддразнивать и перевёл взгляд на Е Цинцин.

Щёки Е Цинцин порозовели, она прижала руки к груди, быстро записывая:

— Божечки! Молчаливый защитник, не умеющий выражать чувства. Бессмертная любовь между человеком и призраком! Этот сахарок меня добьёт!

Инь Люмин: «.....»

Что за «бессмертная любовь между человеком и призраком»?!

Он потер лоб, поднявшись:

— Спасибо за помощь. Можешь возвращаться в класс.

— А? Учитель Инь, а насчёт вас и господина Шэнь...

Закрывшаяся дверь класса прервала её восторженный взгляд.

Инь Люмин вздохнул.

Будь он директором, точно запретил бы ученикам читать романы.

Шэнь Ло неспешно парил рядом, его голубоватая аура по-прежнему была видна, и возвращаться он явно не собирался.

Инь Люмин задумался о его поведении.

Шэнь Ло, вероятно, провёл в иллюстрации неизвестно сколько времени. Встретив наконец такого приятного человека и подписав несправедливый контракт, он наверняка испытывал одиночество. По логике вещей, Инь Люмин как порядочный человек должен проявить участие и позаботиться об этом «старом одиночке».

Поэтому он любезно предложил:

— Господин Шэнь, не хочешь вместе посмотреть сцену?

— Какую сцену?

— Ци Сяобэя.

— Я уже видел ее вчера.

Хотя он так сказал, выражение лица Шэнь Ло заметно улучшилось, вернувшись к первоначальному голубоватому оттенку.

...Та же комната с кипятком, те же хулиганы, избивающие Ци Сяобэя.

Нин Юаньюань и Чи Си уже ждали у двери, просмотрев все сцены.

Инь Люмин и Чи Си снова доставили Ци Сяобэя в медпункт.

Как и прежде, после перевязки лицо Ци Сяобэя оставалось бесстрастным; он тихо поблагодарил и молча удалился.

Чи Си облокотился на стол:

— Хотя бы сегодня бинты на руках — значит Янь Хан не обжигал его.

— Это плохая новость, — Инь Люмин выбросил использованные бинты. — Значит, он не перезагрузился, как остальные.

Чи Си замер, его лицо изменилось.

Другими словами... Ци Сяобэй застрял в бесконечном цикле издевательств Янь Хана, повторяя день, полный школьного насилия.

Возможно, сначала он сопротивлялся, искал помощи, страдал — неизвестно, как вели себя предыдущие игроки. Но с постоянной сменой игроков его страдания так и не находили облегчения, пока он окончательно не замолчал и не оцепенел.

Чи Си глубоко вздохнул:

— Брат Инь, сможем ли мы сегодня выполнить задание с дополнительными уроками?

Если получится... хотя бы перевести время на следующий день.

<http://bllate.org/book/13213/1177660>